

пограничная территория могла рассматриваться как его собственная. Во всяком случае его решение было авторитетным для врагов топарха, которые к тому же, как видно из текста, не располагали значительными силами на нижнем Дунае.

Васильевский считал, что время Владимира никак не подходит для объяснения отрывков, так как „в 993—996 году мы не можем допустить неприязненных отношений Руси с греками“.¹ Но из изложенного видно, что таких неприязненных отношений не было. Врагами топарха, заставившими его искать покровительства русского князя, были болгары Самуила, а не руссы Святослава.

При этом топарх все же недобровольно отдался в руки киевского князя. Как видно из текста „Записки“, он созвал собрание знати из своих сторонников для того, чтобы они объявили себя византийскими подданными и подкрепили его силы, и только по требованию собрания согласился заключить с киевским князем договор и предаться ему, причем сделал это потому, что у него не было другого выхода.

Ф. И. Успенский считает невероятным, чтобы византийский чиновник X в., не поискав другого выхода, хотел подчиниться „царствующему на север от Дуная“ и таким образом совершить акт государственной измены. Но сам же Ф. И. Успенский признает, что топарх действует с исключительной энергией потому, что находится в исключительных обстоятельствах. Во время византийско-болгарской войны при Василии II, находясь в тяжелых условиях, византийские должностные лица неоднократно действовали весьма самостоятельно и нередко проявляли собственную инициативу. Так, в открытом В. Г. Васильевским „Стратегиконе Кекавмена“ в главе о разумном начальнике крепости Кекавмен рассказывает следующее: „Когда дед мой Кекавмен был в Лариссе, имея власть над Элладой, тиран болгарский Самуил много раз пытался то войной, то хитростью овладеть Лариссой, но всякий раз был отражаем и посрамляем. (В свою очередь дед мой) то преследовал его войной, а то старался смягчить его самого и приближенных подарками. Поступая так, он имел беспрепятственную возможность сеять и жать и таким образом сохранять своих людей в довольстве. Когда же увидел, что тиран совершенно взял верх, то он провозгласил его (т. е. признал своим государем) и таким образом, опять проведя его, посеял и сжал. Он написал к порфирородному императору Василию, что я-де, святой мой господин, вынужденный отступником, велел лариссийцам провозгласить его, и они с богом сеяли и жали, и молитвами твоей царственности я собрал плодов столько, что лариссийцам их будет достаточно на четыре года, и вот мы теперь опять — рабы твоей царственности. Узнав об этом царь одобрил хитрость моего деда“.²

Таким образом, мы видим, что „Записка топарха“ не имеет никакого отношения ни к Крыму, ни к крымским готам. Автор „Записки“ — византийский чиновник, а не крымский владетельный князь. Точно так же ни Святослав, ни хазары не имеют никакого отношения к „Записке“. Эта „Записка“ проливает новый свет на историю греко-болгарской борьбы при Василии II и Самуиле. Удивительным образом болгарские историки до сих пор не обратили внимания на этот источник,

¹ В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха. „Труды“, т. II, вып. 1, стр. 206.

² В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI века. ЖМНП, 1881, ноябрь, стр. 103.